

ВИТАЛИЙ ШЕВЦОВ

ЛЮБИМАЯ КНИГА

РАССКАЗ

Мой отец был офицером и служил в ракетных войсках. Перезезды к новому месту службы происходили у нас с завидной регулярностью, раз в два года. Поэтому мама шутливо называла нас военными путешественниками поневоле. Лично мне такие путешествия-перезезды были по душе. Новая школа, новые друзья...

Городской посёлок Слободка в Белоруссии. Военный городок. Вокруг лес. Летом — грибы, ягоды. Зимой — лыжи, санки. Там такие горки и трамплины на старом стрельбище! Семьями ходили туда кататься. А ещё озеро. Небольшое. В самом центре военного городка. Рыбалка отменная. Летом и осенью зеркальные карпы, карасики, плотва ловились прямо на пустой крючок. Зимой — каток. Днём в хоккей играли, а вечером под музыку военного духового оркестра катались на коньках.

Наша школа-восьмилетка располагалась в старинном одноэтажном деревянном здании, построенном в виде большой буквы П. Как потом я узнал, это был дом какого-то польского помещика, который жил в этой местности давным-давно. Таких деревянных школ уже нет. Это точно. Сейчас школы строят из стекла и бетона. Окна и двери из пластика. Полы, если не паркетные, то уж точно — ламинат. Ну, на худой конец, линолеум. Наверное, так и надо. Время сейчас другое. Только мне очень жалко школьную парту. И что бы там ни говорили в Министерстве просвещения об удобстве современной мебели для школьника — с отсутствием парт не соглашусь никогда. В той школьной парте всё было продумано до мелочей. Место для учебников и ручки, наклон для удобства правописания, крышка откидная, сиденье

ШЕВЦОВ Виталий Евгеньевич родился в Риге в 1952 году. Из семьи военнослужащих. После окончания школы работал в Пинском народном театре. С 1986 года живёт в Калининграде. Работает в военном представительстве МО РФ. Член Союза писателей России. Председатель правления Калининградского регионального отделения СП России.

удобное, для двоих, отполированное за годы учёбы не одним поколением школяров, а ещё спинка — это чтобы сколиоза не было. За такой партой сидеть развалившись было просто невозможно. А сейчас... Заходил я к внуку в школу. Сидят ребята за столами на стульях. Не то в школе они, не то в кафе. Портфели, ранцы на полу стоят. Раздуты от учебников, как сумки хозяйственные. Тут же, рядом — мешки, пакеты со сменной обувью... Чего не хватает? Спальных мешков?.. Не так смешно, как грустно.

А наша школа... Я её часто вспоминаю. У нас во всех классах, учебных коридорах, учительской и даже в школьном буфете — можете себе представить? — на окнах были самые настоящие деревянные резные ставни! Те, кто учился во вторую смену, после уроков убрали за собой класс и запирали ставни на ночь изнутри на засов. А ещё в моей школе не было парового отопления, и поэтому в каждом классе стояла печка. До потолка — такая высокая. А потолки у нас в классах в высоту были метра три, это точно. Потому что дом старинный. Раньше так строили. Так вот, печки были облицованы кафелем, и все разные. Все — разного цвета. В нашем классе печка была белая. Ну, просто белоснежная. В соседнем с нами — фиолетовая. Даже чёрная была. А вот в учительской стоял самый настоящий камин. Отопительный сезон в школе начинался с первого октября и заканчивался в середине мая. Топились печки только дровами. И занимался этим ответственным делом школьный дворник, он же по совместительству истопник. Фигура, я вам скажу, загадочная. Судите сами. Независимо от поры года ходил он в одной и той же одежде: старая чёрная телогрейка, военные офицерские брюки-галифе, валенки, подшитые снизу резиной от старой автомобильной камеры, а на голове солдатская шапка-ушанка. “Зима, лето попугай! Зима, лето попугай!” — дразнила его малышня из начальных классов. Но ни я, ни мои друзья ни разу не заметили, чтобы печник, так мы его между собой называли, обиделся на малышей. Он даже улыбался иногда в ответ на их дразнилки. Я сам это не раз видел.

У нас в классе была масса предположений насчёт печника. Кто он такой? Почему работает в школе? В конце концов сошлись на том, что он фронтовик, у которого вся семья погибла во время войны. Правда, была одна очень интересная версия: печник — кладоискатель. Её предложил мой друг Андрияха Рогожников, с которым мы сидели за одной партой. Но от этой версии, как и от многих других, пришлось отказаться. Мы случайно узнали от технички тёти Кати, что печник живёт и работает в школе уже десять лет! За это время любой клад найти можно.

Как это часто бывает, всё тайное становится явным совершенно случайно и как бы само собой. Однажды в пятницу, на перемене после четвёртого урока, к нам в класс зашла наша классная руководительница Фаина Ивановна и объявила, что урока литературы не будет, потому что заболела учительница. Мы все, конечно, обрадовались. Литература была пятым уроком по расписанию, а это значило, что можно будет раньше уйти домой. Но Фаина Ивановна улыбнулась и сказала:

— Вместо литературы у вас сегодня будет урок внеклассного чтения, который проведёт наша заведующая школьной библиотекой Кира Ивановна.

— А что мы будем делать на этом уроке? Ведь мы к нему не готовились! — стал возмущаться Андрей и, толкнув меня локтем в бок, зашептал:

— Ну, чё ты молчишь? Поддерживай. Лучше на каток пойдём. В хоккей поиграем!

— На этом уроке вы, ребята, поговорите о своих любимых книгах, а Кира Ивановна познакомит вас с новыми книгами, которые недавно поступили в нашу библиотеку, — не обращая внимания на Андрея, закончила своё объявление Фаина Ивановна.

— Ну, всё! — вздохнул расстроенный Андрей. — Теперь наша “Энциклопедия” всю душу из нас за сорок пять минут вытащит своими рассказами. “Ах, Наташа Ростова!.. Ах, Чацкий!.. Карету мне, карету! Не опоздать бы мне к обеду!..”

— Рогожников! Прекрати кривляться.

— А я и не кривлюсь, Фаина Ивановна, — как ни в чём ни бывало пожал плечами Андрей. — Я классиков цитирую. Чё, нельзя что ли?

Читать художественную литературу Андрей не любил, а если что и читал, то только журналы: по авиамоделированию, “Технику — молодёжи”, “Науку и жизнь”. Забегая вперёд, скажу, что после окончания школы он поступил в лётное училище и, как и мечтал, стал военным лётчиком. Совсем недавно в интернете на страничке “Одноклассников” я узнал, что мой школьный друг и сосед по парте — военный лётчик первого класса Андрей Михайлович Рогожников — погиб в Афганистане...

А в тот день его “цитирование классиков” в очередной раз вызвало в классе хохот. Ну, умел он хохмить, за это его все и любили.

На огромной, почти на всю стену, географической карте мира, которая висела в нашем классе прямо напротив печки, Афганистан виделся нам в то время одним из многих маленьких государств, о местоположении которых мы знали только благодаря школьной программе. Ровно через двенадцать лет слово “Афганистан” в нашей стране будет знать и стар, и млад... А пока за окном был октябрь 1967 года, и ровно через пять минут должен был начаться тот самый памятный для меня урок внеклассного чтения.

— Жаль, не удалось классную уговорить, а так бы пошли на каток, в хоккей играть, — мечтательно произнёс Андрей. — Тоже мне, друг называется. Трудно было поддержать, что ли?..

Я не успел ему ничего сказать в ответ, потому что одновременно со звонком на урок в класс вошла Кира Ивановна. С первого дня, как я записался в школьную библиотеку, у меня с Кирией Ивановной сложились доверительные читательские отношения. Это когда можно не боясь высказывать своё личное мнение о прочитанной книге, даже если оно не совпадает с мнением “старших товарищей”. Например, лично я не люблю Анну Каренину, а Печорин, я вам скажу, ещё тот герой того времени.

Так вот, Кира Ивановна меня понимала, слушала и даже спорила, как с равным. Невысокого роста, седенькая старушка с удивительно добрыми, по-детски голубыми глазами. Настоящая хранительница книжницы, как говорил некогда Владимир Даль. “Читатель, мой мальчик, не имеет возраста. Перед книгой мы все равны”, — часто любила повторять Кира Ивановна. А “Энциклопедией” её за глаза прозвали ребята в школе за то, что она могла ответить на любой вопрос.

Урок внеклассного чтения уже подходил к концу, и если бы не Кира Ивановна, то мы бы все точно перессорились между собой, стараясь доказать друг другу, чья книга лучше. Андрей, просидевший весь урок надутым на меня, за то что я не поддержал его перед классной, и тот не выдержал и стал всем советовать — обязательно прочесть книгу о Валерии Чкалове. Мы так увлечённо спорили, что даже не обратили внимания на то, что в классе зашёл печник... Если честно признаться, то мы все к нему просто давно привыкли. Ну, ходит человек по классам во время уроков, следит за тем, чтобы нам тепло и уютно было учиться. Значит, так надо. Работа у него такая. “Тут ведь дело вот в чём, — популярно объяснил мне Андрей, когда я с удивлением в первый раз увидел появившегося во время урока в классе печника, — когда дрова в печке полностью перегорят, необходимо вовремя выюшка в дымоходе закрыть. А не то всё тепло в трубу вылетит. Понял?”

— Понял. А что такое выюшка? — чувствуя, что краснею, спросил я.

— Ну, ты и темнота городская! — удивлённо произнёс Андрей. — И чему вас только в городе учат! Выюшка — это такая чугунная заслонка в дымоходе, которую закрывают, чтобы тепло в печке оставалось. Теперь понял?

— Теперь понял, — окончательно покраснев, ответил я. Ну откуда мне было знать все эти печные премудрости. В тех школах, где я раньше учился, было паровое отопление.

— Ребята! Вы меня, признаюсь, удивили своими рассказами о ваших любимых книжках. У нас ещё есть время до конца урока, — Кира Ивановна посмотрела на часы, — и я вот что думаю: вам наверняка будет интересно узнать, а какая книга была самой любимой в детстве у нашего Виктора Ивановича?

В классе все стали удивлённо переглядываться, не понимая, о каком это Викторе Ивановиче говорит нам Кира Ивановна.

— Прошу вас, Виктор Иванович. Мы вас слушаем.

И только тогда, как говорится, дошло до ума, к кому Кира Ивановна об-

ращается по имени и отчеству. К печнику!!!

В классе наступила такая тишина, какая бывает только на контрольной по математике. Никто из нас не ожидал такого поворота событий к концу урока, и теперь всё наше внимание было сосредоточено на человеке, стоявшем у печки. По его лицу было видно, что он сильно волнуется. Оно и понятно, вопрос Киры Ивановны застал его врасплох. Наконец он решился. Сняв с головы шапку-ушанку и откашлявшись в кулак, Виктор Иванович тихо произнёс:

— Моей любимой книгой в детстве, ребята, была книга “О вкусной и здоровой пище”. Потому что...

Хохотал весь класс, и я в том числе. А Андрей — так тот от смеха аж под парту сполз.

— Ой, мамочки! Пирожки вы мои, котлетки любимые. Как же я вас люблю читать да перечитывать, — раздавались из-под парты, веселя весь класс, его причитания.

Все вдруг стали вспоминать разные смешные случаи из своей жизни, которые касались темы еды, и спешили рассказать их друг другу. Вот уж правду говорят: искра в стогу сена. Безудержное веселье захлестнуло класс. На какое-то время мы просто забыли, что находимся на уроке. Забыли о Кире Ивановне, о Викторе Ивановиче...

С материнской нежностью, полными слёз глазами смотрела на нас стоявшая у доски Кира Ивановна. Губы её беззвучно шевелились, и мне вдруг показалось, что я понимаю, о чём она хочет нам сказать: “Война! Война! Война!”.

А Виктор Иванович, прижавшись небритой щекой к белоснежному кафелю печки, просто улыбался, глядя на нас. Улыбался-то он, улыбался, а в глазах были тоже слёзы...

Не раз ещё потом, в моей взрослой жизни, встречались мне такие люди, как Виктор Иванович. С улыбкой на лице и со слезами на глазах. Сегодня даже песня об этих людях есть, и называется она “День Победы”. Хорошая песня о хороших людях. А что мы знаем об этих хороших людях? Так, общие факты из биографии... Родился, учился, работал, воевал... Живут они, кстати, рядом с нами, а не где-то там за тридевять земель. А мы не то что фамилий, имён и отчеств их, к своему стыду, часто не знаем. Они для нас все на одно лицо — ветераны. Нам бы у них, пока не поздно, научиться жизнь любить. Главное, не опоздать! День сегодняшний дороже “вечной памяти” по праздникам...

Прозвенел звонок, но никто из нас, как это бывало обычно после окончания уроков, не сорвался со своего места и не бросился наперегонки в школьный гардероб. Глядя на нас, можно было подумать, что мы вдруг все как один вспомнили главное школьное правило: “Звонок — для учителя, а не для учеников”.

Нет, конечно. Чего уж тут говорить, мы уже не первоклассники, которым палец покажи — и будут смеяться. Не сразу, но поняли, что у нашего печника Виктора Ивановича какая-то жизненная история с этой книгой о вкусной и здоровой пище случилась. А мы, не дослушав её до конца, своим “весельем без повода” обидели человека.

И тут на помощь нам пришла Кира Ивановна.

— Ребята! На этом наш урок закончен. — Тут она сделала небольшую паузу. — Но я вижу по вашим глазам, что вам хотелось бы дослушать до конца историю о любимой книге Виктора Ивановича. Ведь так?

— Так! Да! Хотим! — тут же с благодарностью за её поддержку отозвался весь класс.

Кира Ивановна подошла к печке, где всё ещё стоял Виктор Иванович, и, взяв его за руку, направилась с ним к доске.

— Может быть, как-нибудь в другой раз, Кира Ивановна? Ребятам домой пора, — пытался он возражать. — Да и стоит ли им об этом рассказывать?

— Стоит, Виктор Иванович, поверьте мне, об этом им стоит рассказать.

Об этом... Какое это удивительное русское слово. В нём, пожалуй, скрыта та самая правда нашей жизни, узнав которую, мы взрослеем не по годам и становимся мудрее.

— Моей любимой книгой в детстве была книга “О вкусной и здоровой пище”. Эта книга, ребята... — Виктор Иванович неожиданно закашлялся.

— Может быть, воды? — заботливо предложила Кира Ивановна.

— Нет-нет, — прижав руку к груди и превозмогая кашель, прошептал он. — Сейчас всё пройдёт. Это после ранения бывает так иногда.

“Ранен, ранен. Он был ранен”, — зашептались в классе.

— Ещё хоть слово кто скажет, будет иметь дело со мной, — строго сказал Андрей и в подтверждение серьёзности своих намерений погрозил всем кулаком.

— ...Эта книга спасла мне жизнь, и не один раз, — справился с приступом кашля Виктор Иванович. И стал рассказывать.

— В том году я заканчивал четвёртый класс. До начала каникул оставалась одна неделя, и я очень обрадовался, когда мама сказала, что мы уезжаем с ней к бабушке в Ленинград на всё лето. Помню, я тогда спросил у неё: “А почему папа не едет с нами в Ленинград?”. — “У него на заставе начинаются срочные военные манёвры”, — ответила мама и заплакала. Но я не обратил внимания на её слёзы, скорее побежал на улицу, чтобы сообщить своим друзьям о поездке в Ленинград и о том, что по этой причине в школу я завтра не пойду... На вокзале мама с папой о чём-то говорили, и мама опять плакала. Мне же было не до их прощаний. В это время я думал о том, как бы уговорить маму занять мне верхнюю полку в вагоне. Ведь с верхней полки так здорово, лёжа на животе, смотреть в окно.

Мне было одиннадцать лет, — тяжело вздохнув, произнёс Виктор Иванович, — всего одиннадцать лет, ребята...

Прошлое вдруг так ярко проступило в чертах его лица, что всем в классе без слов стало понятно, о чём он хотел нам сказать. Оглядев притихший класс, Виктор Иванович виновато улыбнулся:

— Что-то я тут не на шутку разговорился. Вам, наверное, это не интересно.

— Рассказывайте, рассказывайте! — зашумел весь класс. — Нам интересно!

Впервые взрослый мужчина разговаривал с нами на равных, доверяя нам, детям, самое дорогое, что было у него, свою семейную историю, которую он все эти годы бережно хранил в своём сердце.

— ...Через неделю началась война. Из Ленинграда мы с мамой и бабушкой никуда не эвакуировались. Почему, не знаю. А потом... потом была блокада. Осенью умерла бабушка. Наступила зима. Было очень холодно. За печку-буржуйку мама отдала свои золотые серёжки, обручальное кольцо и бабушкин перстень. Дров у нас не было, и потому свою печку мы топили мебелью, а потом паркетом. Когда паркет закончился, мы с мамой стали жечь книги из бабушкиной библиотеки. У бабушки была большая библиотека, её нам хватило почти на всю зиму. Тогда-то мне и попала в руки та самая книга — “О вкусной и здоровой пище”. Я не помню её автора. Такая толстая, старинная книга с картинками. Много-много разных картинок, на которых была нарисована еда: колбаса, масло, рыба, пироги, торты, разные фрукты... А самое главное, там был нарисован хлеб, такой настоящий, чёрный и белый... хлеб. Но больше всего я любил картинку, где был большой жареный гусь с яблоками!

Мама работала в военном госпитале санитаркой и приходила поздно, но я всегда её дожидался. Она приносила хлеб, а иногда даже суп в банке. Мы садились у нашей печки-буржуйки и устраивали “пир на весь мир” — так любила говорить мама.

“Сегодня едим жареного гуся”, — объявлял я.

“Как, опять гуся? — улыбалась мама. — Ну что же, гуся так гуся. Только, чур, мне шейку и крылышки, а тебе всё остальное, сынок...”

Мы отламывали хлеб маленькими кусочками, клали их себе в рот, смотрели на картинку с жареным гусем и запивали наш ужин крутым кипятком. Так было теплее.

Под Новый год мама ушла за водой на Неву. Я прождал её два дня, но она так и не вернулась. И тогда я принял решение идти на поиски. Одевшись потеплее, я запахал свою любимую книгу за пазуху и отправился ис-

кать маму. Но как только я вышел на улицу, начался артиллерийский обстрел... Очнулся я уже в госпитале. Потом доктор сказал мне, что осколок от снаряда угодил в мою книгу и потому не попал в моё сердце. Так что мне повезло, а вот книге нет. По Дороге жизни через Ладожское озеро меня вместе с такими же мальчишками и девчонками вывезли из блокадного Ленинграда. Вот и вся история о моей любимой книге...

...Вечером на катке собрался весь наш класс. Мы тогда приняли решение взять над Виктором Ивановичем шефство, но только так, чтобы он об этом не догадался и не обиделся на нас. Девочки взяли на себя контроль за чистотой на школьном дворе, ну а мы, мальчишки, решили по очереди помогать Виктору Ивановичу колоть дрова и выносить золу из печек на школьный огород. Ленка Мирошник, дочка нашей “ботанички”, вспомнила, что у них дома есть точно такая же книга: “О вкусной и здоровой пище” — и предложила подарить её Виктору Ивановичу на память. Всё у нас получилось, как мы и задумали. Правда, Виктор Иванович наше шефство раскусил сразу, но виду не подал. Мы просто по-настоящему подружились с ним, а дружба — это большое дело.

Прошло детство. Многие события моей школьной жизни стёрлись из памяти, но никогда не забуду тот урок внеклассного чтения в нашем седьмом “Б” классе. Именно тогда мы поняли, что книга может быть настоящим другом и товарищем на всю жизнь. И ещё: главное в жизни — не опоздать дарить людям добро.

НЕМЦЫ ПРИЕХАЛИ

РАССКАЗ

Дмитрич сидел на веранде и смотрел на дождь, который собирался в лужи во дворе. “Надо будет канавку пропахать к дороге”, — подумал он. В свои 80 лет он везде любил порядок. Из комнаты раздался голос жены:

— Ну, ты завтракать будешь или нет?

— А что, твои сериалы уже закончились? — спросил Дмитрич.

— Закончились, закончились. Выходи из своего укрытия, — смеясь, ответила она.

Это началось у них еще с “Рабыни Изауры”, был такой бразильский сериал. Дмитрич так усердно его комментировал, что они даже поссорились с женой по этому поводу. И с тех пор в доме действовало негласное соглашение: утром жена смотрит свои сериалы, а вечером Дмитрич — передачи, которые нравились ему.

Сразу после войны, демобилизовавшись, юные супруги Соболевы приехали в Калининград. Восстанавливали разрушенный город, потом работали в стройтресте, да так и осели здесь навсегда. Сколько им ни предлагали переселиться в новый дом, который трест построил для ветеранов, они так и не захотели оставить этот старенький домик на окраине города. Так много было связано с ним в их жизни. Здесь прошла вся их молодость, родился сын Митя. Отсюда к нему и ходить близко — кладбище совсем рядом с домом.

Митька — сын. Как он мечтал о сыне! Когда Ефросинья родила, вся бригада гуляла у них неделю. Но на работу ходили исправно. Бригадиром он был строгим, за что и ценило начальство. Фронтная косточка — говорили о нём товарищи. Да, солдатом он был хорошим. И наград у него много — медаль “За отвагу”, орден “Красной звезды”, медаль “За победу над Германией”. У Ефросиньи — медалей не меньше, чем у мужа. Тоже воевала. А кому теперь эти ордена нужны?.. Вот сосед-пьянчужка свои продал на рынке, да еще и хвастать стал, мол, не мало ему отстегнул покупатель! Дмитрич за это палкой его отходил. Так тот в милицию нажаловался. Участ-

ковый пришёл, хотел протокол составить, а как узнал, в чём дело, махнул рукой и ушёл.

Митька — сын. Привезли из Афгана цинковый гроб...

— Ты где? Опять витаешь в облаках. Посмотри в окно, вон к Никитиным опять их немцы пожаловали.

— А тебе, что, Фрося, завидно, что ли? Они к себе на Родину приезжают. Ты к себе на Смоленщину вон в прошлом году ездила?

— Ездила! Так у меня там могилка отца и матери, брата Коли. Должна я была перед смертью попрощаться с ними или нет?

— Эх, Фрося! А они к своим могилкам едут. А мы эти могилки сровняли. Парк сделали, дети гуляют и не знают, что на костях аттракционы эти стоят. Вон на Гагарина ресторан поставили у автобазы, а там, говорят, тоже кладбище было. Не по-людски как-то.

— Ну и иди, целуйся с ними, жалостливый ты мой. Или забыл, кто тебе обе ноги прострелил?

Дмитрич резко вскочил из-за стола, кружка с чаем опрокинулась ему на брюки:

— Не смей! Не смей мне указывать. Я на фронте труса не праздновал. Война была.

Он закашлялся, замахал руками, хлопнул дверью и выскочил на двор.

Фрося села на стул, опустила руки на колени:

— Господи, опять поругались, и из-за чего, спрашивается, из-за немцев каких-то... Эх, Митя, сынок, нет тебя с нами. Вот и ругаемся с отцом твоим по-пустому. Был бы ты живой, всё по-другому было бы...

Она встала и открыла дверь в комнату сына. Митя смотрел на неё с фотографии, улыбаясь, военная форма сидела на нём ладно. Мать вспомнила, какой он был счастливый, когда ему досрочно присвоили звание капитана. А через месяц отправили в Афганистан.

Детские крики и визг прервали её воспоминания. Она подошла к окну. По лужам, которые разлил на дороге утренний дождик, носились соседские внуки. "Господи, ведь и у нас такие внучата могли бы быть..." — подумала Ефросинья.

Она вышла во двор. Дмитрич сгонял воду из луж через прокопанную канаву на улицу.

— Ну, не злись, слышишь, — обратилась к нему жена.

— А я не злюсь на тебя, Фрося, — он поднял голову. — Ты видишь, что сорванцы творят, ну, чертенята, влетит им сегодня от бабки.

Фрося присела на порог:

— А я бы их не ругала никогда.

— И я тоже, — ответил он.

Опустив со вздохом голову, незаметно смахнув набежавшие слезы и чувствуя, что жена сейчас заплачет, грубовато, чтоб как-то отвлечь её, сказал:

— Ну, чего ты тут расселась, осень ведь. Заболеть хочешь? — И добавил мягче: — Иди, Фросюшка, в дом, не рви сердце.

Всю ночь шел дождь. Однако утром выглянуло осеннее солнышко. Оно заиграло блестящими зайчиками в лужах и окнах домов.

Старики ещё с вечера решили сходить на кладбище. Фрося вышла в сад. Она аккуратно срезала десять красных астр. Капельки дождя переливались в ярких бутонах цветов.

— Господи, как слезинки, — сказала она. — Яблок сколько нападало. И куда их девать теперь?

Выбрав два самых крупных, не удержалась и присела на скамейку под яблоней. Митина антоновка. Солдатыкам своим любил носить в часть.

— Фрося, ты где, мы идём или нет? — услышала она голос мужа.

— Вот неугомонный, — с нежностью подумала она о нём.

На кладбище стояла особенная тишина, иногда нарушаемая чириканьем птиц или звуками проезжающих автомашин. Заботливо вырвав траву, которая пробилась среди могильных плит, и разложив астры, они долго ещё сидели молча, прижавшись друг к другу на скамеечке, и смотрели на обелиск, мысленно разговаривая с сыном, каждый о своём.

Подходя к дому, они увидели белый “Мерседес” и людей, стоящих у ворот. Навстречу на велосипеде ехал местный пьянчужка Семён.

— Теть Фрося, а к вам немцы приехали, с вас причитается, — заискивающе объявил он им.

— Ну вот, дождался гостей, старый чёрт, иди встречай, — с какой-то обидой вырвалось у Ефросиньи.

— Какие гости, ты что, тут разобраться надо. — Дмитрич растерялся.

Не зная, что делать дальше, они остановились. Но навстречу им уже спешил высокий молодой человек в светлом плаще.

— Здравствуйте! — он пожал руку Дмитричу и попытался поцеловать руку его жене. Она испуганно отдернула её.

К Дмитричу вернулось его спокойствие.

— Слушаю вас, молодой человек, — начал он. Но тот бесцеремонно перебил его.

— Уважаемая семья Соболевых, я представитель туристической фирмы “Европа”, которая осуществляет туры граждан Германии в Калининградскую область. У вас сегодня счастливый день, вы можете, наконец, встретиться с четой Мюллер, бывшими хозяевами этого дома, которые проживали здесь до... — и тут он сбился. Чувствовалось, что он не может подобрать выражение, которое устроило бы обе стороны.

— Вы хотите сказать, до нашей Победы над фашизмом, — перешла в наступление Фрося.

— Ну, как вам сказать, что-то в этом роде, — промямлил турагент.

— Вроде — говоришь... Говнюк ты после этих слов! Да за это “вроде” больше 20 миллионов полегло! — Дмитрич размахнулся палкой, но Фрося схватила его за руку и зашептала:

— Угомонись, люди вокруг.

И правда, из-за заборов выглядывали лица соседей. Перед калиткой, смешно взявшись за руки, стояли два старых человека. Видно было, что они растеряны. И это вернуло самообладание Дмитричу.

— Здравствуйте, господа хорошие, или как там, если мне не изменяет память, — “Гутен таг”, — он открыл калитку и жестом пригласил пройти во двор.

Первой вошла старушка, следом за ней несмело, оглянувшись на Дмитрича, вошёл старик. Они остановились посреди двора.

— Ну, что вы стоите, проходите в дом, — натянутым голосом произнес Дмитрич и захлопнул калитку перед носом турагента: — Без тебя, паразит, обойдёмся.

Старик что-то коротко сказал по-немецки, турагент развёл руками и отступил к машине.

— Что ты, дурья башка, наделал, как будешь с ними говорить без переводчика, — толкнула в бок мужа Фрося.

— Мы с Мартой знаем немного русский язык. Я есть Генрих, — тихим голосом произнёс немец.

— Ну, если так, то мы, значит, Жёня и Фрося, стало быть.

Немец, улыбаясь, протянул руку, и Дмитрич, секунду поколебавшись, протянул свою. Они обменялись крепким рукопожатием.

— Проходите в дом, а то тут вся улица сбежалась на смотрины. Я чай поставлю, там и поговорим, — и Фрося, открыв дверь, первая шагнула через порог.

— Мы можем посмотреть дом? — как бы извиняясь, произнёс Генрих.

— Пожалуйста, смотрите, только не обессудьте, у нас не прибрано, — начала Фрося.

— Цыть, не мельтеши. Не музей. Пускай смотрят, как есть, — остановил её окриком Дмитрич.

Молчавшая до этого времени Марта осторожно, будто боясь что-то раздавить на полу, маленькими шажками подошла к кафельной печке, которая занимала большую часть комнаты и, прижавшись к ней, вдруг тонким голосом заплакала. Генрих быстро подошёл к ней, обнял и стал что-то шептать на ухо, потом повернулся и извиняющимся голосом сказал:

— Прошу извинить, пожалуйста, майне фрау, она немножко вспомнила себя в нашем доме.

Дмитрич, понимая, что надо как-то разрядить эту обстановку, вдруг сказал:

— Вы тут, значит, давайте сами походите, а мы с Фросюшкой в сад за яблоками сходим, жуть сколько за ночь нападало.

Генрих не ожидал встретить в своем доме таких же, как он с Мартой, стариков. По возрасту они были одногодки. Значит, война в их жизни сыграла немалую роль. Что они думают, как поведут себя? Нет, он постарается объяснить этим старикам, что им ничего не надо, они с Мартой просто хотят посмотреть свой дом, в котором были когда-то счастливы...

От этих тягостных размышлений его оторвал голос жены: "Генрих, пойдём в комнату Вилли".

Они подошли к двери в детскую, и Марта, осторожно открыв ее, вскрикнула:

— Майн готт, Генрих, это их сын, он русский офицер, — но, увидев траурную ленточку на портрете, вопросительно повернулась к мужу.

— Марта, их сын погиб.

Набрав полную корзину яблок, Дмитрич и Фрося вошли в дом. Стояла тишина.

— Дмитрич, они что, уехали? — спросила Фрося.

Дверь в комнату Мити была открыта. На кровати их сына, крепко обнявшись, плакали два пожилых человека. Фрося захлопала носом за спиной Дмитрича. Старики встрепенулись и виновато, как провинившиеся дети, стесняясь, что их застали за чем-то неожиданным, встали. От растерянности оба, мешая немецкие и русские слова, стали извиняться:

— То есть комната наш сын, Вилли. Извините нас, это нервы. Наш мальчик погиб, ему было три года. Налёт британской авиации...

Дмитрич начал что-то искать в карманах, потом обратился к Генриху:

— Пойдём, как там тебя, Генрих, покурим. Женщины, они тут сами поговорят.

Они вышли во двор, Генрих виновато развёл руками:

— Я не курю, сердце.

— А я вот с тех самых пор и курю.

Дмитрич достал пачку "Беломора" и закурил. Неожиданно Генрих взял из рук Дмитрича пачку, ловким щелчком выбил папироску, размял её между пальцев, сделал "козью ножку" и, прикурив, жадно затянулся.

— Вот-те раз, а говорил, не куришь, — усмехнувшись, произнёс Дмитрич.

— С тех самых пор я не курил "Беломор". Сибирь-матушка, русский мороз-дядюшка, медведь-батюшка, топор — брат родной, — вдруг без акцента, нараспев произнёс Генрих.

— Значит, бывал у нас, коль так шпрехаешь по-нашему. А где, если не секрет? Может, пути-дорожки наши пересекались? — запыхтел папиросой Дмитрич.

— Ленинград—Сибирь...

— Хорошие университеты прошёл, а я вот южнее был. Первый Украинский. Закончил в Будапеште, там меня и зацепило.

Дальше курили молча. Каждый из них думал о своём. И недоверие друг к другу постепенно уходило вместе с дымом папирос. Из дома Фрося позвала пить чай.

Разговор за столом явно не клеился, и гости начали собираться.

Растерянные от этой неожиданной встречи, оказавшиеся в этот вечер по воле судьбы вместе в этом небольшом стареньком домике на бывшей окраине Кёнигсберга, а теперь в центре обступившего дом нового микрорайона Калининграда, стояли они друг перед другом — бывшие когда-то враги, а теперь просто пожилые люди...